

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Станислав Горский

**ЗАПИСКИ
НАВОДЧИКА
СУ-76**

ОСВОБОДИТЕЛИ ПОЛЬШИ

1944—1945

На линии фронта. Правда о войне

Станислав Горский

**Записки наводчика СУ-76.
Освободители Польши**

«Центрполиграф»

2010

Горский С.

Записки наводчика СУ-76. Освободители Польши / С. Горский — «Центрполиграф», 2010 — (На линии фронта. Правда о войне)

Девять долгих месяцев ушло на освобождение Красной армией территории Польши. 600 тысяч советских воинов сложили голову в этой стране. Тяжелой ценой давался заключительный этап войны. Станислав Горский – один из рядовых участников этих боев. На своей самоходке СУ-76 он прошел сотни километров по территории Польши. Враг никогда не отступал без боя. Легкие, маневренные СУ-76 прекрасно зарекомендовали себя в последние месяцы войны – во время городских боев и преследования отступающего противника, действия из засад. При этом, как показано в книге, самоходки очень часто выполняли несвойственную им задачу непосредственного сопровождения пехоты в бою. Со всем этим СУ-76 справлялись блестяще. Но маневренность достигалась за счет очень уж слабой брони. Самоходчики несли немалые потери, платя своей жизнью за общее дело победы.

Содержание

От автора	5
На Наревском плацдарме	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Станислав Горский

Записки наводчика СУ-76.

Освободители Польши

От автора

Писать о том, что произошло много лет назад, трудно. Время сгладило в памяти многое. Многие детали выпали из памяти, а другие, наоборот, прочно закрепились и уже теперь те события совсем по-иному и глубже понимаются, чем раньше. Тогда мы были молоды и менее опытны во многих делах. А теперь, прожив немалую жизнь и накопив побольше знаний и жизненного опыта, можно и нужно наново все вспомнить и пережить те события, которые происходили в годы минувшей войны.

Наш 133-й отдельный самоходно-артиллерийский дивизион, который имел на вооружении СУ-76, организационно входил в состав 71-й стрелковой дивизии. Командовал дивизионом капитан Тибуев Константин Иванович. Наша дивизия теперь носила почетное наименование Торунская. Это наименование ей было присвоено за боевые действия, в которых ей пришлось участвовать при окружении и ликвидации немецких войск в городе Торунь. Это его польское название, а в то, военное время на картах наших командиров он назывался Торн.

Этот город находится в среднем течении великой польской реки Вислы, на ее правом берегу. Он имеет большую и богатую историю. В нем прожил свою жизнь великий Коперник. Красивый город с прекрасной архитектурой и самобытной культурой.

14 января 1945 года наши войска, сломив отчаянное сопротивление гитлеровцев, начали свое наступление на запад. Это было стремительное наступление. И уже через десять дней наши войска, в том числе и наша дивизия, были на подступах к этому городу.

Однако до этого были длительные оборонительные бои на Наревском плацдарме.

На Наревском плацдарме

Ранним сентябрьским утром 1944 года наш эшелон прибывал на станцию выгрузки. Моросил мелкий осенний дождь. «Погода не летняя», – шутили ребята. Конечно, такая погода не очень хороша для производства работ по выгрузке боевой техники, но зато удобна в смысле безопасности при налетах вражеской авиации. В каждом деле есть свои плюсы и минусы, но в данном случае нас больше устраивала такая погода: налет фашистских самолетов мог бы нам помешать успешно выгрузиться. Вся наша 71-я стрелковая дивизия после боев на Сандомирском плацдарме была выведена на короткий отдых и доукомплектование в район Равы-Русской. Закончив доукомплектовку, по решению командования она была передана из состава 1-го Украинского фронта в состав 1-го Белорусского и эшелонами по освобожденной украинской и белорусской земле, а дальше по польской прибывала к новым местам боевых действий.

Для нашего отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона местом выгрузки была определена станция Минск-Мозовецкий, что восточнее Варшавы. Небольшой польский городок летом утопал в зелени, но сейчас облетевшая листва плотным слоем лежала на земле, на перроне небольшой станции, а оголенные деревья стояли плотной стеной возле железнодорожного полотна и станционных строений.

На станции нас ожидали офицеры нашей дивизии, посланные вперед. Не успел состав остановиться, как к вагону, в котором ехал командир дивизиона и штаб дивизиона, подошли представители дивизии. Разговор был недолгим. Последовала команда: «Приготовиться к выгрузке!»

Мы были готовы к этому еще на подходе. Крепления сняты, осталось обрубить последние стяжки, и наши СУ-76 готовы к совершению марша хоть прямо с платформы. Недалеко от станционного здания была собрана небольшая разгрузочная платформа из бревен и шпал. Вот на нее мы и должны были съезжать по мере подачи платформ паровозом. Но произошло все не так, как планировалось. Лишь только началась разгрузка, как послышался вой летящего снаряда, и первый сильный разрыв ухнул в хвосте эшелона. Немцы вели обстрел станции из дальнобойных орудий. Не прошло и трех минут до момента второго разрыва. Для нас это было неожиданностью. Командир принял своевременное и очень правильное решение. Последовала команда: «Разгрузиться с платформ без площадки!» Несмотря на то что высота была больше метра от земли до основания платформы, мы быстро развернули свои самоходки на месте на правую сторону и спустились на землю.

К такого рода разгрузкам наши экипажи были готовы. Это упражнение отрабатывалось механиками еще в учебных подразделениях. Наш механик-водитель Николай Иванович Лукьянов немалое время был на заводе испытателем боевых машин и вождением СУ-76 владел мастерски. Для него такого рода задача не представляла никакого труда, и поэтому наш экипаж оказался на пристанционной дороге первым. За нами последовала самоходка командира батареи, где механиком был Николай Иванов.

Обстрел не прекращался. Снаряды начали падать в непосредственной близости от станционного здания, но в эшелон пока что еще не было ни одного попадания. Конечно, это в значительной мере мешало нам в разгрузке, но остановить дело было невозможно. Весь дивизион был уже на земле. На это ушли считанные минуты. Но ведь предстояло разгрузить и другие материалы, а они были в крытых вагонах. И тут, конечно, артобстрел мог остановить разгрузку, а это значит – срывались сроки. На подходе были другие эшелоны. И тут кто-то из стоявших недалеко от нас солдат из команды, обеспечивающих разгрузку, сказал, что как только приходит новый эшелон, так сразу же следует артналет. Значит, кто-то сообщает фрицам о прибытии эшелонов. «И не исключена возможность, что где-то сидит корректировщик, – громогласно произнес Семен Поздняков, – а то откуда бы фрицы знали? Кто-то, конечно, им стучит».

Это предположение сразу же нас насторожило. Мы начали смотреть по сторонам. Откуда бы было удобнее всего корректировать огонь? Сразу же за станционными строениями метрах в ста пятидесяти стояла водонапорная башня. Почему-то мы все обратили внимание именно на нее. Но там, наверху, было не видно ни одной щели в крыше и окна отсутствовали. Нет, не может быть, да и разрывы были вблизи от этой башни. Немного в стороне от станции, на одной из улиц, стояла другая башня, по всей вероятности, для пожарного дежурного, и смотровая площадка была хорошо укрыта от дождя и ветра. Внимания она могла не привлекать, потому что стояла в стороне от железной дороги.

Разгрузка вагонов с боеприпасами и другим имуществом шла полным ходом. Весь состав пустых платформ уже был оттянут на запасные пути, а вагоны с грузом поставлены в тупик, где мы вместе с разгрузочными командами таскали на машины ящики со снарядам. Должен был подойти новый эшелон нашей дивизии. И в это время, несмотря на непогоду, появился наш самолет – мы их звали «кукурузниками». Сделав круг над станцией, чуть ли не задевая колесами крыши домов, он начал кружить над вышкой, которую мы считали пожарной. Что бы это значило? Вскоре все выяснилось. Наш механик Николай Иванов увидел, как за барьером смотровой площадки на вышке раза два мелькнула голова человека.

«Да вон же он. Корректировщик-то на вышке!» – крикнул он нам. Несколько человек бросились в сторону вышки. «Куда вы? Он же вооружен, а у вас ничего нет!» – кто-то крикнул нам вдогонку. Но от станционного здания уже бежало четверо солдат с автоматами. Видимо, летчик имел связь с комендантом станции и о своих наблюдениях сообщил по радио. После чего последовала команда коменданта станции. Наблюдатель особого сопротивления не оказал. Он сдался, не произведя ни одного выстрела. При нем оказалась и радиостанция, и немалый запас патронов к автомату. Вскоре подошел новый эшелон, но артналета уже не последовало. Пока происходили эти события, мы закончили погрузку боеприпасов, и все экипажи были в сборе у своих самоходок. Командиры получили приказ на совершение марша в сторону фронта.

Дождь не прекращался. Низкие тучи наплывали из-за горизонта, неся новый заряд мелкой измороси. Наши шинели и куртки намокли и стали тяжелыми, и, когда заработали моторы, в боевом отделении потянуло теплом от радиатора. Впереди колонны на бронетранспортере ехал командир дивизиона капитан Тибуев. Командиры самоходок высунулись из боевого отделения и следили за сигналами, идущими от командира. Радиостанции не работали. В эфир выходить было запрещено, и поэтому пользовались только флажковой сигнализацией и внутренним переговорным устройством.

Местность была самая обыкновенная, такая же как у нас дома во Владимирской области. Сосновый лес сменялся большими лесными полянами, ну прямо как дома. Небольшие речушки мы преодолевали вброд.

Маленькие деревеньки из деревянных, низко пригнувшихся к земле домиков говорили о страшной бедности, в которой жили польские крестьяне. Соломенные крыши давно нуждались в ремонте. Добротных домов было очень мало. А у простых, крестьянских домиков, как я потом видел не раз, даже полов не было. Одним словом, голь перекатная. Всю дорогу до переправы через Западный Буг дождь не унимался, но дороги не раскисли, так как почва была песчаная. По всем лесным и проселочным дорогам к линии фронта двигались войска. Подтягивались саперные подразделения.

По всему видно, что мы готовились к форсированию водной преграды. На нашем пути был Нарев. На его правом берегу немцы создали крепкую оборону, и с ходу форсировать реку не удалось. Левый берег ниже правого, и в пойме реки, заросшем кустарником, мы сосредотачивались для того, чтобы ранним утром, еще когда не начало светать, форсировать Нарев и захватить на той стороне город Сероцк. Задача не из легких. По реке плыли различные предметы: бревна, доски, трупы, снарядные ящики и мало ли что еще может плыть по реке, при-

нявшей на себя бремя войны. Все это было нам видно из кустов, в которых мы сосредотачивались для броски на тот берег. Осенние дожди добавили воды в реке. Вода подступала почти до самых береговых кустов. Это способствовало нам в том, что до кромки воды расстояние было ближе, чем в малую воду.

Весь оставшийся день уточнялись задачи, намечались ориентиры, увязывались вопросы взаимодействия с пехотными подразделениями, с саперами, намечались маршруты движения на понтоны и далее, на том берегу. Одним словом, шла обыкновенная работа по подготовке боя, без которой нельзя успешно решить боевую задачу. В кустах шли последние приготовления понтонов и других переправочных средств. Весь день с небольшими перерывами шел морозящий дождь. Низкие тучи нам сопутствовали в подготовительной работе, и фашистские самолеты не имели возможности наносить удары с неба. Но артиллерийские налеты периодически заставляли прятаться в машинах и под самоходками. Прямых попаданий не было.

Весь прибрежный кустарник и прилежащий к нему лесной массив были заняты войсками, изготовившимися к прыжку на правый берег Нарева. Недалеко от нас на старте были понтоны.

Осенний день короток. В наступивших сумерках движение к воде усилилось. Последние приготовления, уточнения задач и вопросов взаимодействия. С наступлением темноты стало возможным накормить подразделения. За ужином в глубину прилегающего леса ходили вдвоем с заряжающим Иваном Староверовым. Искали нашу кухню почти полчаса, но солдатское чутье не обмануло, нашли в небольшом сосняке. Получив наваристую гречневую кашу с тушенкой, вернулись к машине сравнительно быстро.

Спать не хотелось, но перед боем надо хоть немного отдохнуть. Командир приказал мне и механику-водителю лечь в боевом отделении и постараться заснуть хоть на час. Но сколько я ни пытался это сделать – сон не шел.

Полежав на днище, я вылез на броню и сел возле ствола пушки. В голову лезли разные мысли: «Как пойдет дело?» Мы знали, что у немцев здесь крепкая оборона и так просто они нас на свой берег не пустят.

Я старался все эти невеселые мысли отогнать. Пытался думать о чем-то веселом, но ничего такого отвлекающего на ум не шло. Я почему-то подумал: «А о чем в это время думают мои товарищи?» Наверное, тоже о том, о чем и я.

С тех пор прошло много лет. Я часто бываю на встречах в школах у ребят. И почти каждый раз задают вопрос: «А страшно было на фронте?» Было бы нечестно и я бы покривил душой, если бы я сказал, что не страшно. В каждом человеке живет чувство страха, но есть и другое чувство: умение подчинять себя той задаче, которую необходимо во что бы то ни стало решить. Потому что от ее выполнения зависит твоя жизнь и жизнь твоих товарищей. И ты находишь силы побороть в себе страх и делаешь все, на что ты способен. Это чувство называется силой воли.

В нашей роте был мой земляк Юрий Туманов. Хороший парень, мы с ним в один день призывались в армию, вместе учились в одном учебном подразделении и вместе были отправлены на фронт. Учился он хорошо и на контрольных экзаменах показал очень хорошие результаты. Стрелял из пушки так же, как и другие. Одним словом, подготовлен он как артиллерист довольно хорошо. Умел стрелять с закрытых огневых позиций. Начитан и очень любил стихи. Много стихов знал на память, особенно Пушкина.

Но разве мог кто предположить, что в первом же бою его нервы не выдержат. Как только пришлось столкнуться с врагом один на один, он выпрыгнул из машины. И счастье, что другие члены экипажа были бывалые воины и не дрогнули в бою, а могло бы произойти непоправимое – гибель всего экипажа. Командир думал: как поступить с ним? Как наказать за проявленную трусость? То, что он сам себя казнил и осудил, мы это видели и понимали его, но ведь в бою действует закон воинского товарищества: сам погибай, а товарища выручай. После боя с ним был суровый разговор, и он дал обещание, что больше никогда не смалодушничает. И

ему поверили. Правда, командир назначил его в отделение связи. И стал он связистом. Таскал катушки, тянул провода под пулеметным огнем и не раз попадал под артиллерийский обстрел. Одним словом, прошел, как у нас говорили, боевую обкатку и стал неплохим солдатом.

Однажды мы сменяли огневые позиции и совершали марш в глубине нашей обороны, и вдруг я увидел Туманова. Он сматывал провода уже не нужной нам больше связи. Весело помахав рукой, он продолжал свое, ставшее для него привычным, дело. На его груди под расстегнутой телогрейкой я увидел медаль «За отвагу». Значит, сумел он перебороть в себе страх и стать нужным своим боевым товарищам. Потом под огнем противника он не раз восстанавливал связь в бою, был ранен. Подлечившись, снова выполнял обязанности связиста.

Осенняя ночь тянется долго. Нудный морозящий дождь начал утихать, кое-где появилось звездное небо, но это нас не очень-то радовало. Улучшится погода – начнут летать самолеты, и тогда осложнится выполнение задачи. Но и надежда на нашу авиацию тогда тоже немалая. До начала артиллерийской подготовки оставалось час с небольшим. Мимо нашей позиции проходили подразделения, которым предстояло первыми спустить лодки на воду. Вглядываясь в темноту, мы увидели, что бойцы, шедшие в строю, были одеты в матросскую форму.

На некоторых матросах поверх бушлатов были перекинута ленты с патронами, что придавало им сходство с матросами времен Гражданской войны. Разница лишь в том, что на поясах у многих были подвешены противотанковые гранаты да каски. А неизменные бескозырки – символ матросской славы – даже в эту дождливую осеннюю ночь были на голове. Ребята шли молча, стараясь не шуметь. Видно было, что это для них не первая переправа. Потому что, рассредоточиваясь впереди нас в кустах, они спокойно, по-деловому готовили лодки, устанавливали весла. Им предстояло первыми ступить на тот берег.

Последние приготовления. Сколько их, этих последних дел, которые никак все не переделаешь, всегда что-то окажется несделанным. И вот небо осветилось и разразилось страшным громом и воем летящих через наши головы снарядов «катюш» и орудий всех калибров. Началась артиллерийская подготовка. Где были разрывы, нам не было видно, но ясно было одно: там, где они падают, там настоящий ад, и казалось, что от такого обилия летящих снарядов невозможно спастись, там нет ни одного квадратного метра, где бы не упал снаряд. Выжить от такого огня невозможно. Но мы-то знали, что даже после такого огня передний край всегда оживает и встречает такой плотностью огня, что диву даешься – неужто выжили? А вот выживают.

Любопытство всегда берет верх. И на этот раз Иван Староверов встал на броню и старался увидеть, как обрабатывается передний край фрицев. Берег, на котором был расположен город Сероцк, возвышался над водой метров на сорок. В прибрежных домах были расположены огневые точки противника. По ним вели огонь пушки, которые артиллеристы выкатили на прямую наводку, стараясь своим огнем уничтожить пулеметные точки, которые будут мешать нашей пехоте. Чтобы не принести большего вреда городским строениям, нужна была ювелирная стрельба, и они ее показали блестяще.

Позже мы сами убедились, что разрушений в городе было очень мало. Пока велась артподготовка, передовые подразделения начали переправу под прикрытием нашего артогня. Морская пехота раньше всех оказалась на воде. Нам предстояло начать переправу, когда первые роты будут на том берегу и зацепятся за первые улицы. Паромы для нас находились в прибрежных кустах, и саперы ждали команды своих командиров. Еще только начало сереть небо на востоке, а бой уже завязался на правом берегу. Светящиеся трассы летели в нашу сторону. Вся зеркальная гладь реки была усыпана различными плавсредствами – лодки, паромы, понтоны, катера. Вот уже наши паромы начали выдвигаться к воде. Мы стояли с командиром СУ и напряженно ожидали. По времени нам еще было рано, а казалось, что уже давным-давно пора. Наконец-то и нам пришла команда. Мы заняли свои места в машине.

Включилась связь. Теперь нам по сигналу командира батареи предстояло занять место на понтоне. Вот уже подошел катер, который будет нас буксировать. Командир СУ старший лейтенант Сидоренко спрыгнул на землю и сигналами начал показывать механику, куда за ним двигаться. Понтонеры удерживали веревками паром и устанавливали щиты для заезда на понтон.

Перед кромкой воды машину остановили, а нам с Иваном было приказано сойти на землю и помочь саперам. Николай Иванович – опытный водитель – без особого труда очень аккуратно заехал на понтон и остановился точно по центру. Ребята из саперного отделения, выдавшие за время войны всякого, одобрительно кивнули, а командир отделения – сержант – поднял большой палец руки вверх, что означало самую высокую оценку. Механик оставался в машине, а мы с Иваном подложили под гусеницы бруски, чтобы на случай наклона машина не посунулась в сторону.

На соседних понтонах и слева и справа тоже уже закончена погрузка, и катера направились к правому берегу Нарева. Насколько видел глаз, и влево вниз по течению, и вправо вверх по течению реки, всюду были видны переправочные средства, которые сновали от берега к берегу, переправляя все новые подразделения туда, где нарастал бой за овладение плацдармом. Уже наша артиллерия перенесла огонь в глубь обороны противника. Но, несмотря на это, фашистская артиллерия вела огонь по реке, и от ее огня уже не один солдат не доплыл до правого берега.

Один снаряд разорвался совсем рядом от нашего понтона, но вреда не причинил. До берега осталось метров тридцать, когда новый взрыв поднял со дна реки ил и песок, понтон наклонился в сторону берега, и машина начала сползать. Даже подставки не помогли. Катер ускорился, и наш понтон ткнулся в отмель. Все время переправы мотор работал, и, как только стало возможным, Николай Иванович сразу же дал газ и ринулся на берег. Мы с Иваном прыгнули следом за машиной в воду. Было неглубоко, по пояс, и мы вскочили в самоходку уже на песчаной отмели. Все было так просто и ясно, как будто мы не раз это репетировали. Иван сразу же зарядил пушку, а я изготовился к открытию огня.

Последним вскочил в машину командир. Я видел, как соседние самоходки также успешно высадились, и мы ринулись к обозначенному для нас проходу через минное поле. Немцы даже берег минировали. Нам предстояло подняться вверх на набережную улицу, где уже хозяйничали ребята в матросских бушлатах. Мотор натужно гудел, подъем был крутой и место для подъема узковатое. Машина поднималась с наклоном в сторону реки. Но вот этот трудный путь пройден. Машина выскочила на улицу, и первое, что я увидел, – дом с вывеской «Аптека». Написано было по-немецки, витрина разбита, а из помещения шел желтый дым. Впереди по улице артиллеристы катили 57-миллиметровую пушку, а впереди бежали матросы, стреляя на ходу из автоматов. В конце улицы горел немецкий бронетранспортер. Командир подал команду: «Прямо по ходу орудие в кювете!» Немцы нас не видели и стреляли в сторону реки. Так что они к нам были левым бортом. Секунды – и я выстрелил. Снаряд разорвался прямо у колеса. Пушку перевернуло, а расчет уничтожен. Теперь вперед!

Чтобы успешно выполнять задачу в бою, надо очень хорошо видеть поле боя, быстро ориентироваться в создаваемой обстановке, не потерять связь с командиром, своими соседями и с подразделением, с которым мы взаимодействовали. В данном случае мы поддерживали стрелковую роту нашего 126-го стрелкового полка. Я удивлялся, как это наш командир старший лейтенант Сидоренко успевал все это делать. Мы ни на минуту не теряли зрительной связи с пехотинцами, и, если надо было, бойцы стрелкового взвода оказывались рядом с нами, готовые прийти на помощь. Именно так бывало не раз и раньше, и в последующих боях. Великая сила – взаимовыручка в бою. Много раз бойцы пехотных подразделений спасали нас от верной гибели: вовремя огнем своих автоматов уничтожали фаустпатронщика. А что это за штука – каждый танкист и самоходчик знали очень хорошо.

Город Сероцк небольшой, и, продвигаясь по улице к его юго-западной окраине, мы оказались на дороге, ведущей в местечко Дембы. Немцы отходили по всем направлениям, теснимые нашими частями, неохотно оставляя каждый метр польской земли. Преследуя отходящего противника, плацдарм расширялся и вглубь и ширирь. Нам предстояло наступать на Дембы.

Наши артиллеристы постоянно наносили свои удары по скоплению врага, по целям, которые указывали им пехотные подразделения. Теперь уже создалась возможность переправлять на правый берег артиллерийские подразделения, потому что я увидел, как слева от нас разворачивалась для прямой наводки батарея 76-миллиметровых орудий. Темп продвижения несколько снизился. Все наши СУ, а их было на этом направлении шесть, выдвинулись для ведения огня по кустарнику, где, по-видимому, немцы сосредотачивались для нанесения контратаки. В том же направлении открыли огонь и артиллеристы. Наш огонь пришелся не по вкусу немцам, и мы увидели, как из кустарника в сторону Дембы начали отходить солдаты противника, а потом, следом за ними, выскочило несколько бронетранспортеров, которые, обгоняя бегущих солдат, ринулись в укрытие за холмом. Огонь наших самоходок настиг два бронетранспортера. Два столба черного дыма стояли над полем боя. Я тоже вел огонь, но моя цель была иная.

Из-за придорожной посадки открыл огонь пулемет и своим смертоносным огнем положил нашу пехоту. Двумя снарядам нам удалось его уничтожить, и пехота двинулась вперед. До роши оставалось метров пятьсот. Передовые бойцы уже подбегали к кустарнику и, строча из автоматов, делали зачистку, но живых немцев там уже не было. Слева от нас неустанные артиллеристы двигались, почти не отставая. Но вот что-то случилось, и мне показалось, что пушка отстала. Как вскоре выяснилось, там местность была ниже и земля раскисла от дождя. Пушка увязла в грязи, и вытащить ее силами расчета было почти невозможно. Их командир, молодой младший лейтенант, примчался к самоходке, моля о помощи.

Вернувшись к орудию, подцепили его за станины тросом и выволокли на твердое место. А немного позже они нас тоже выручили.

Много лет спустя, на встрече ветеранов дивизии в городе Медвежьегорске Карельской АССР, ко мне подошел человек и, посмотрев на меня, сказал: «А помнишь Нарев и как вы, самоходчики, вытаскивали орудие из грязи?» Узнать в этом усатом пожилом человеке того младшего лейтенанта было невозможно, но он достал фотографию того времени, и я вспомнил тот октябрьский день 1944 года и тот бой под Дембы. Им оказался подполковник в отставке Ефимов, который прослужил немало лет в Советской армии, после чего ушел на заслуженный отдых и живет ныне в городе-герое Ленинграде. Но меня в этой встрече удивило именно то обстоятельство, что вот он-то меня узнал, а я смог сделать это только после того, когда увидел фотографию тех лет.

Мне было стыдно за то, что я оказался слабее памятью, чем он. Время делает свое дело. Много в памяти сгладилось. Многие события остались за ее пределами, но самые острые моменты никогда не уйдут из сознания и всегда будут оставаться перед глазами.

В роше перед Дембы остановились на передышку. Пехота залегла на поле перед крепостью. Орешек оказался крепок. Старая крепость с дотами, стены которых достигали двухметровой толщины, стояла с давних пор, со времен Первой мировой войны. Немцы старые доты приспособили, и из амбразур нас щедро поливали смертоносным огнем крупнокалиберные пулеметы. Нам, самоходчикам, тоже двигаться вперед было нельзя. Боеприпасы кончились, а наше боеспитание еще не подоспело. Пехота ждала нашей поддержки, но мы не могли ничего поделать. И тут нам на помощь пришли артиллеристы.

Поделившись своими скромными запасами снарядов, они помогли нам завершить исход боя.

Командир наш, Серафим Яковлевич Сидоренко, позвал меня посмотреть с опушки роши на тот пулемет, который стал костью в горле у нашей пехоты. Мы пробрались вперед настолько,

насколько позволяла роща, чтобы быть незамеченными, и внимательно стали наблюдать за огнем противника. Дот мы нашли сразу же. Прикинув, пришли к такому решению: выскакиваем на опушку рощи и открываем огонь по амбразуру. Вот тут нужна ювелирная стрельба. Первый же снаряд должен попасть прямо в амбразуру. Но сами должны откатиться назад, так как орудия немцев, которые тоже присутствовали в их системе огня, могли нас накрыть. После этого цепь наших бойцов сделает рывок, и тогда пушки немцев не смогут их накрывать своим огнем. Ну, дальше дело в скорости.

Мы возвратились к машине. Пять снарядов, которые дали нам артиллеристы, не должны пропасть даром. Выкатывались на малой скорости на малых оборотах через самую густую часть рощи. Вот показался просвет, и я увидел в прицел амбразуру дота. Остальное произошло мгновенно. Выстрел! Наблюдаю и не вижу результата своего выстрела. Где же разрыв? Но еще через несколько секунд все становится ясно. Попадание было настолько точным, что разрыв мы и не могли увидеть. Он произошел внутри дота. И только когда из амбразур повалил дым, я понял, что попал в самую точку.

В это мгновение левая цепь наших бойцов рванулась вперед, и я видел, как несколько солдат вскочили на дотовский бугор, увлекая за собой остальных. Откатившись назад и влево, мы приготовились своим огнем подавить другие огневые точки. Несколько разрывов на поле, с которого поднялась наша пехота, уже не могли ничего сделать, и вскоре и их не стало. Видимо, отважные пехотинцы приблизились к орудиям настолько, что гитлеровцам приходилось бросать орудия и спасать свои жизни.

Воспользовавшись тем, что артиллерийского огня не стало, нам подали команду вперед. 600 метров по полю мы преодолели на предельной скорости, которую позволял раскисший грунт. За это время пришлось сделать две короткие остановки и открывать огонь по скоплению немцев на улице поселка. Справа от нас двигались вперед еще две машины нашей батареи, а остальных мне не было видно. Уже позже мы узнали о том, как товарищи из нашего дивизиона на правом фланге отбивали контратаку немцев, поддерживаемых танками. Мы же в это время заканчивали очистку Дембы от последних гитлеровцев. Последний снаряд я выпустил по фашистам, убегающим по разрушенным фермам моста через Западный Буг. На той стороне реки продолжалась дорога, которая вела в столицу Польши – Варшаву.

На небольшой площади этого Дембы стояла группа пленных немцев. Возле них было четверо наших бойцов. Долговязый сержант давал какие-то наставления бойцу в плащ-палатке, а тот кивал и показывал рукой в сторону Сероцка. Видимо, это означало, что пленных надо доставить на пункт сбора в Сероцке. Получив указание по радио, куда нам следует собираться для получения следующей задачи, я отправился искать пехотного офицера, чтобы доложить ему о наших дальнейших действиях, но прежде мы замаскировали машину за стеной дома на случай, если будет артналет. Я смотрел на разрушенный мост, на его стальные фермы, исковерканные взрывом, и подумал: сколько же в этой войне развалено, сожжено, исковеркано, искалечено, стерто с лица земли?

Бои на плацдарме расширялись, налаживалась переправа, все больше войск переправлялось на этот берег. Вот и наши снабженцы подросли. Машины со снарядами нас обрадовали, а то боеукладки в каждой самоходке были уже пусты. Солдат всегда рад прибытию кухни, боепитанию и почтальону! Эти мероприятия всегда придают бодрости. Машины со снарядами нас обрадовали. Видимо, переправа стала работать стабильно, и теперь можно было надеяться на постоянное и своевременное снабжение нас и горючим, и боеприпасами. Было уже за полдень, осенний день короток, и не заметишь, как наступят сумерки. Мы спешили заполнить боеукладку, чтобы не чувствовать снарядного голода, даже на днище уложили десяток бронбойных – лишними не будут! На скорую руку перекусили остатками того, что было в запасе: кухня пока что еще не смогла нас найти.

Мы торопились на новые огневые позиции на танкоопасном направлении. Перед наступлением темноты батальон, который мы поддерживали, выдвинулся на правом фланге вперед и нуждался в нашей поддержке. Направление движения батальона было определено вдоль правого берега Нарева на старинную крепость Модлин. На рубеже атаки нас встретил командир батальона и сразу же поставил задачи командиру батареи. С этим батальоном мы шли от самой переправы, и бойцы уже к нам привыкли, и, видимо, мы им полюбились.

Танков на этом направлении не было, а у нас все-таки какая-никакая, а броня, и это не малый психологический фактор в бою. Бойцы в атаке жались к СУ-76 и защищали их, когда это было надо. Уточнив задачу, командир взвода старший лейтенант Приходько указал нам ориентиры на местности и направление движения. Ждали сигнала – три зеленые ракеты, но в это время немцы открыли такой мощный артиллерийский огонь по изготовившейся пехоте, что пришлось ждать, пока наша артиллерия ответным огнем не заставила гитлеровцев замолчать.

Огонь наших «катюш» был губителен. К их огню присоединились батареи, которые еще были за Наревом. Эта дуэль задержала нашу атаку, но дала возможность лучше разобраться в рельефе местности, уточнить еще раз маршруты движения вперед, наметить более удобные и вероятные короткие остановки для стрельбы с наилучшим использованием складок местности, которые не простреливались вражеской артиллерией.

Упали на землю три зеленые ракеты, пехота поднялась и пошла вперед на видневшуюся синеватую полосу леса, до которой было не более трехсот метров. Самоходки двигались почти вместе с пехотой, порой выскакивая вперед ее на полсотни метров. Нас часто называли танки сопровождения пехоты, но какие же мы танки? Ведь даже снаряд малого калибра пробивал нашу лобовую броню. Но где уж было разбираться пехотным командирам в таких тонкостях, ведь у нас была броня и мы двигались вперед, решая те же боевые задачи, что возлагались и на королеву нашего советского танкового парка – на прославленную тридцатьчетверку.

Упорного сопротивления, которого ожидали, мы не встретили. Видимо, наша артиллерия хорошо поработала по немецким позициям. Редкие цепи пехоты едва поспевали за нами, и, чтобы ускорить темп продвижения, мы посадили на броню бойцов, которые бежали по вязкому полю и были ближе к нам. Так продолжалось почти до самого леса. Но вдруг что-то застопорилось. На правом фланге солдаты залегли, а те, что были на броне правого фланговой машины, попрыгали на землю и присоединились к лежащим на поле. Гитлеровский пулемет косил наших бойцов.

Командир СУ старший лейтенант Тимаков развернул свою машину в его сторону и огнем орудия подавил пулемет. Как по команде, бойцы вскочили и ринулись к лесу. Этого было достаточно, чтобы подбросить азарта и другим бойцам, действовавшим в центре. И уже вся опушка леса оказалась в наших руках. По краю леса были редкие окопы, в которых оборонялись гитлеровцы, но натиска наших бойцов они не выдержали и побежали в глубь леса, бросая свои позиции. Конечно, лесом назвать эту довольно большую лесополосу нельзя. Скорее это была большая роща и довольно вырубленная. Большие деревья были использованы для строительства оборонительных сооружений на плацдарме. С опушки этой рощи просматривался и ее другой конец. Отдельные деревья так и валялись, видимо, немцы не успели их вывезти. На противоположной стороне леска наше продвижение было остановлено и приказано закрепиться.

Сумерки, надвигавшиеся над полем боя, говорили нам о том, что следует остановиться, так как дальнейшее продвижение становилось неразумным и могло привести к нежелательным для нас потерям. Во-первых, мы ничего не знали о противнике впереди нас и о его системе огня, а в темноте можно напороться и напрасно положить и без того малочисленные роты. Во-вторых, пехота устала. С самого раннего утра и до позднего вечера бойцы были на ногах и все время под огнем противника. Такая нагрузка была невозможна, ребята просто валились с ног, а сменить их пока было нечем. А осенняя пора делает дороги тяжелыми. На сапогах были пудовые гири грязи, которые приходилось постоянно счищать.

Дали распоряжение закрепиться. У кого еще были силы, копали себе окопы. Мы тоже нашли себе удобную ложбинку с хорошим сектором обстрела и взялись за лопаты, чтобы хоть как-то приспособить ее для окопа. Копать не было сил, но надеяться на то, что кто-то поможет, было бессмысленно. Все болело – и руки и ноги. Предыдущую ночь отдыхали плохо и весь день были в бою. Но есть такое слово – надо, и, понимая это, мы копали. Каждая выброшенная лопата земли была в несколько раз тяжелее, чем она была на самом деле. Постепенно, лопата за лопатой, и вот уже движения становятся механическими, и ты бросаешь и бросаешь несчастную землю. Потому что знаешь, что, не выкопай окоп, в случае танковой атаки немцев нельзя будет успешно вести бой. Но тут произошло невероятное: пришли четверо бойцов из роты, которую мы поддерживали в бою, и доложили, что их командир взвода послал к нам на помощь. Командир машины молча отдал лопату одному из бойцов и пошел к пехотному командиру увязывать вопросы взаимодействия.

Перекурив, ребята сменили нас в обозначившемся уже окопе, а мы сели на выброшенную землю передохнуть. Надвигалась первая ночь на плацдарме. Кому приходилось копать окопы, тот знает, какой это труд. За время оборонительных боев на Наревском плацдарме мы часто меняли огневые позиции и всякий раз на новом месте начинали с окопа для самоходки. Хорошо, если попадется не трудный грунт – песок. Тогда дело идет нормально, но бывает такое, что и кирка плохо помогает. Да, пришлось нам покидать землицы в великое удовольствие, и спасибо ей за то, что она сотни раз спасала нас и от налетов фашистской авиации, и от обстрела фашистской артиллерии, согревала в землянках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.